

18+

Лилия МАКЕЕВА

АКВАРЕЛЬ САРДИНИИ

зарисовки с натур

Лилия Макеева
Акварель Сардинии

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Макеева Л.

Акварель Сардинии / Л. Макеева — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Дом друзей на Сардинии, острове божественной красоты, становится прибежищем для женщины пятидесяти лет, бегло говорящей на итальянском. Героиня погружается в стиль жизни островитян, узнает их нравы, сталкивается с необычными людьми и даже получает предложение выйти замуж. Каскад красок, итальянская жажда жизни и любви, терпкий вкус ее и неожиданные эмоции ложатся акварельными мазками на холст ее восприятия...

Содержание

Чужие абрикосы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лилия Макеева Акварель Сардинии

Внушительных размеров белый паром «Моби» медленно вошел в фарватер около восьми вечера. Любопытствующие пассажиры повалили на верхнюю палубу, посмотреть, как паром гулко коснется причала двумя большими трапами. А я поспешила к эскалатору, на выход.

Первое, что я почувствовала – аромат необычных трав и растений, который пригнали в бухту воздушные потоки. Да, улавливалась пиния и, может быть, шалфей, но что-то еще неведомое, горько-сладкое, терпкое и томное будоражило мое обоняние. Хотелось закрыть глаза и вдыхать, вдыхать...

Все еще по-дневному синее небо декорировали белесые мазки странных, обрывистых облаков. Словно в небесной канцелярии у художника кончилась краска, и он старательно выдавливал из кисти остатки.

Миролюбивое солнце, казалось, позевывало и помахивало предпоследними лучами – до завтра!

Величественная горная гряда в сизой дымке производила впечатление удачно подобранного оформления к спектаклю, который вот-вот начнется. А почему бы и нет? Все-таки на вожденную Сардинию приплыли. Причем в международный день защиты детей. Хотелось если не салюта и оркестра, то хотя бы небудничного оживления в порту – как своеобразной увертюры. Но отработанный ритуал разгрузки судна – сначала пешие пассажиры, а потом с машинами – не гармонировал с торжественностью момента и прошел без суеты. Даже в местах наших снов и сказок имеет право протекать обычная жизнь.

Благополучно добравшись до городка Сан Теодоро на рейсовом автобусе, я вошла в пустой дом семьи Кугузи и не обнаружила в нем света. Ни на первом, ни на втором этаже, что было вполне логично.

Спускаясь наощупь вниз по старенькой скрипучей лестнице, я тут же представила себе незабвенного Ваньку Жукова, корпящего при лучине над письмом деду, и саркастично хохотнула, в поддержку общего тонуса.

Дом сеньоры Марии, мамы моей итальянской подруги Франки, встретил меня тоже тихо, но я чувствовала, что он мне рад, как может быть «радо» то, что предназначено для человека и пропитано энергией и жизнью большой, красивой семьи. Оштукатуренный и побеленный, старый двухэтажный дом с флигелем давно не знал ремонта, но оставался по-деревенски уютным уже полвека. Некогда служивший для всех Кугузи оплотом, теперь дом – лишь летняя резиденция для взрослых детей с их семьями, и в холодные месяцы года простаивает. Мне любезно предложили в нем пожить до приезда сюда сеньоры Марии – главы семьи Кугузи, мамы Франки и еще пятерых братьев и сестер. Я призвана обогреть дом, и преисполнена особого чувства сопричастности и доверия, хоть и стою в темноте.

С Франкой Кугузи меня свела судьба восемь лет назад.

В младенчестве я называла своего сына «кукузя», сама не зная, почему и откуда в мой лексикон проникло это ласкательное имя. Ни от кого его не слышала и нигде не прочла – оно на меня снизошло. Вот и «накликала» нежный образ, вдали от Италии, не помышляя о ней в те молодые годы...

На момент знакомства с Франкой я владела лишь ключевыми итальянскими оборотами речи: здравствуйте, до свидания и спасибо. Но мы обе неожиданно и бессознательно потянулись друг к другу, как будто были разлученными сестрами и вот – воссоединились. Франка, похожая на подростка, сразу вызвала во мне бессознательную нежность, и я обняла ее по-родственному после первого же общения. Молодая женщина прижалась ко мне, как ребенок, и с тех пор мы всякий раз, удивляя окружающих, бросались друг к другу в объятия:

– Светлана!

– Франка!

Больше ничего сказать и выразить я не могла. Франка что-то тихонечко приговаривала, то сверкая каштановыми глазами, то прикрывая их густыми ресницами, а я просто гладила ее и улыбалась нашему единению. Переводчики тут были ни к чему...

Спустя два года я поселилась на все лето в Италии, через месяц худо-бедно заговорила по-итальянски, и мне открылась ранимая душа сильной по характеру Франки.

Как только Франка Кугузи вошла в мою жизнь, я моментально вспомнила то прозвище. «Кукузя»! Расхождение в две буквы не считается – семья простых, добрых, искренних людей была мне предначертана. Позже я близко сошлась с сестрой Франки, Себой, а потом и с самой мамой Марией, потрясающей, красивой женщиной, широкой души человеком.

Две недели назад черноволосая красавица-сарда Франка, самая младшая из детей Марии, родившаяся и живущая с десятилетним сыном в Тоскане, спросила меня:

– Ты хочешь поехать в Сан Теодоро? Мама тебе предлагает... Пока ее там нет, и сезон не начался, ты можешь в доме пожить.

Речь шла о Сардинии – восхитительном острове предков Франки.

– Одна? Не знаю даже... С тобой бы... – растерялась я.

– Я не могу, к сожалению. Самуэле учебный год заканчивает. Послушай, сама меня учила реагировать на жизнь смело. Давай, кураж в руки – и вперед!

Ну, куражу-то мне не занимать. Сеньора Мария, знала, что я после короткого, пробного посещения успела в Сардинию влюбиться, вот и пригласила. Урожденная сарда, она любила одаривать людей и разделяла мою любовь к острову. Кто хоть раз побывал на Сардинии, поймет, что к чему – как пить дать.

И я рванула – сначала на автобусную станцию, потом на поезд, с него – на другой, а затем уже и на паром. Все состыковки требовали скорости, собранности и самоотдачи. Вплоть до последнего поезда они мне удались. Последний оказался отменен – по причине национального праздника.

Я схватилась за голову. Она мне хладнокровно подсказала: все-таки добраться следующим поездом до порта Чивитавеккия и дожидаться там другого парома, уходящего, правда, лишь на ночь глядя.

Стоя в тамбуре прибывающего в портовый городок поезда, я увидела вдали белеющий у причала паром. Неужели – мой, тот, что должен был уплыть в три пополудни, полчаса назад? Я всегда утверждаю, что чудеса случаются. Если в них веришь.

«По вере вашей вам и воздастся...» Сломая голову и ломая колеса небольшого чемодана, я добежала до причала, что называется, с языком на плече и как можно вежливее обратилась к служащим порта:

– Извините, а что это за паром?

– На Ольбию. Тот, который опаздывает... Но он вот-вот отплывет.

– А я на него успею?!

– Бегом – успеете...

Чудесный национальный праздник отнял у меня поезд, но дал взамен паром. Я влетела в его чрево за минуту до подъема огромного, грохочущего, железного трапа. Мужчины, обслуживающие погрузку, смеялись мне вслед понимающе.

Я долго смотрела в мутное стекло большого иллюминатора на уменьшающийся порт, не веря своим глазам, что плыву...

Выключатель послушно менял свои положения под моими пальцами, но толку не было никакого – лампочка в плафоне оставалась всего лишь изобретением Эдисона в чистом виде, без примесей озарения.

Распаковав чемодан, я наметила план на завтра и направилась к выходу: сидеть вечером одной, без света, пусть и при романтическом мерцании свечи, не хотелось. Обратиться за помощью пока было не к кому.

Наметив глазами траекторию от входной двери до кровати и загодя расстелив постель, чтобы по возвращении бухнуться в нее наугад, я танцующей походкой вышла на волю.

В маленьком Сан Теодоро есть все для достойной жизни. Мне настолько здесь стало с первой минуты хорошо и благостно, что я мгновенно решила продлить свое пребывание на неделю-другую. Нужно только поднапрячься и найти себе комнатку, чтобы не мешать сеньоре Марии по ее приезде.

Вечер на острове – особый дар природы. Щедрое до жестокости солнце уходит, небо превращается в холст свободолюбивого и тонко чувствующего художника; цветы, благодарные за паузу и возможность подышать, жертвенно при этом не сгорая, беззаветно отдают свой аромат, струющийся сладкими, пряными, терпкими волнами...

Приморский поселок Сан Теодоро жил вечерней курортной жизнью, с ее атмосферой мимолетного счастья. Воздух летнего дня еще не остыл окончательно, теплое испарение оседало на коже, и расторопный ветерок смахивал его небрежно. Тело неслышно напевало песенку о пользе и радости морского воздуха.

Я медленно шла вдоль уже знакомых столиков уличного рынка с веселым названием «банкарелла». Меня изумляло не количество представленного здесь товара, а профессиональный героизм продавцов. С июня по сентябрь они каждый вечер без усталости привозят и выставляют раскладные столы, стелят на них «попоны», укрепляют висячий источник света, привлекательно размещая товар, а после полуночи опять усердно упаковывают все добро – в обратном порядке. Наверное, глаза бы их уже не глядели на сувениры, бижутерию, поделки народного промысла, сладости и всякую всячину.

Общее настроение несколько заторможено – по сравнению не с 1913 годом, а моим приездом сюда три года назад. Безмятежные туристы останавливаются вполборота к прилавку, трогают товар, вежливо спрашивают цену и проходят мимо, не торопясь раскрыть кошелек – мир пока еще не стряхнул с себя кризис.

Издалека я увидела знакомую мне по прошлому приезду «сардинку» Антонеллу торгующую на «банкарелле» бижутерией и аксессуарами. Вот, стоит, всем и вся улыбается, хоть и немного дежурно.

Вкус у Антонеллы отменный. Свой «улов» она регулярно завозит из Таиланда. Я бы много чего у нее купила, будь я экономически устойчивей и более склонной к украшательству. Но пока я лишь люблюсь серо-зелеными глазами и широкой улыбкой Антонеллы, стоя в стороне.

Узнав меня, женщина обрадовалась:

– Чао, белла! С прибытием! Всё в порядке? Когда ко мне в гости приедешь? Я живу в Ольбии. Отсюда двадцать минут на машине. Да-ай! – Протянула она нараспев.

«Дай» – от слова «даре», давать. То бишь – давай!

Открытость Антонеллы приятно удивляет, ведь она едва меня знает.

– Обязательно приеду. Вот огляжусь по сторонам, приведу свои планы в порядок...

– Хорошо, я тоже должна сначала кое-что привести в порядок! В доме непревзойденный бардак. Сезон банкареллы – это отказ от жизни и привычного быта, понимаешь? Приходится всёфий пустить на самотек. Даже на море выбраться не могу. Максимум – раз в неделю. А что делать?

Миниатюрная Антонелла повела небольшими глазками, вздохнула и тут же отвернулась к потенциальному покупателю: законы рынка непреложны.

Улучив момент, я, в знак участия, вручила Антонелле подарок – розовую парфюмированную черепашку из пористой керамики, с запахом корицы.

Женщина восторженно всплеснула руками, с головой нырнув в стоящую рядом картонную коробку, и победно извлекла оттуда миниатюрный кошелечек из лайки серого цвета. С запахом натуральной кожи. На шершавой поверхности кошелечка красовался упитанный белый слоник, «прикидываясь» плоской аппликацией. . .

Нежные и умильные, мы с Антонеллой договорились укрепить свою симпатию и выпить вместе по чашке кофе. Святое дело дело в Италии.

Без церемоний, но с наслаждением выпив благородный душистый напиток прямо у стойки бара, мы бесцельно двинулись по главной улице.

Тем временем наступила нежная, мягкая ночь, и темное небо замкнуло объятия вокруг нескольких сотен домов Сан Теодоро.

Вдоль узких улочек текли потоки слоняющихся прохожих с неизменным мороженым в руке, в воздухе стоял приторный запах ванильных вафель и сахарной ваты, повсюду слышался детский визг. Любая деталь возвещала о полной расслабленности всего, что человек в состоянии расслабить. Женщины казались красивее, а мужчины увереннее в себе. Что и говорить, июнь на Средиземноморье – бесподобен.

– Послушай, давай заглянем к еще одной моей знакомой – Розе? Тут недалеко, – спонтанно предложила я.

– Кто такая эта Роза? – Антонелла заинтересованно прищурила небольшие глаза.

– Владелица магазинчика «Мандала», большая умница. Знаешь, и вкус прекрасный, и голова светлая. Я вас познакомлю. Я ее в прошлом году для себя «открыла» . . .

Мы вошли в магазин, и я радостно поздоровалась с пышноволосой шатенкой Розой, сразу представив двух интересных женщин друг другу:

– Знакомьтесь!

Дамы протянули друг другу холеные ручки, деликатно их потряхивая. И вдруг начали дико хохотать:

– Тебе приятно? А уж как мне приятно! – выдавливали они из себя любезность сквозь смех.

Через минуту моего замешательства выяснилось, что обе женщины – давние и хорошие подруги. Я смутилась.

– Мы – две местные сумасшедшие, чтобы ты знала, – погладила меня по плечу зеленоглазая и всегда стильно одетая Роза.

Теперь мы захохотали втроем – на весь магазин.

– Провокатор ты, Антонелла, – сказала я без обиды.

– Да, а что? Было бы банально, если б я сказала: да, я знаю Розу, она моя подруга. А так – целое представление! Я нахохоталась вдоволь. Ну, ладно, вы пообщайтесь тут, а я побегу, мне пора. Роза, к тебе я зайду завтра. Да, и на прощанье прошу, – обратилась ко мне Антонелла деланно строгим, зловещим шепотом, – ничего у нее не покупай. . .

Обе подруги – владелицы магазинов бижутерии и аксессуаров и, конечно же, негласные конкурентки, к гадалке не ходи. Но Антонелла подала этот факт весьма артистично и темпераментно.

Наш хохот опять заколыхал висящие шарфики и бусики. В зеркалах отразились три взрослые, интересные и очень веселые женщины. Три грации.

Как замечательно – знать другой язык! Мир открывается тебе. И ты сама кажешься себе сильнее.

Чужие абрикосы

Летний день только набирал силу. Под утренними лучами солнца, пока щадящими, хотелось нежиться бесконечно. Цветочки выглядывали из-за решеток палисадников и светились, словно только что умылись с мылом. Лица прохожих отличала сезонная беззаботность. Из каждой кафетерии доносились конкурирующие запахи свежесваренного кофе и выпечки.

Я шла по неширокой улице поселка с шикарной целью – провести всё свободное время на одном из лучших пляжей острова Сардиния – Ла Чинта. Сам Бог велел, сотворив это чудо посреди Средиземного моря. Многокилометровая, белоснежная песчаная коса Ла Чинты девственно подчеркивала изумрудный цвет морской воды. Белый, мучной песок отмели придавал ей особую прозрачность, и вода казалась кристальной.

В недорогом супермаркете «ЛД» (я перевела аббревиатуру как Люди Добрые) кондиционеры работали на полную мощность. Поеживаясь и быстро перебирая ногами, словно бежала по льду, я схватила с полок самое необходимое для беззаботного пребывания на берегу моря в течение нескольких часов.

Терпеть не могу громоздкие тележки! Страшно смотреть, когда они полные. Сразу вспоминаю недавно выуженную информацию: современный человек потребляет в пять раз больше необходимого.

Прижимая руками бутылку с минеральной водой, сухари с оливками и пару сезонных фруктов к животу и максимально используя для этого растяжку пальцев пианистки, я покорно пристроилась в хвост очереди к кассе.

Невысокий мужчина в годах, с большой, на треть заполненной тележкой, за которым я встала, оглянулся и, секунду помедлив, любезно предложил мне его обойти.

Я улыбнулась, предельно выразительно вскинув брови, как будто я – актриса Театра Кабуки. Недвусмысленно, но изящно вильнув бедром, обошла галантного дядечку. Тот, уступая мне дорогу, украдкой, беглым взглядом оглядел мою фигуру с ног до головы и обратно. Похоже, мужчина остался доволен своим выбором для альтруистического поступка. Да и от моего взора тоже не укрылись его тактико-технические данные: поношенная майка-безрукавка, седые курчавые волосы на груди и красноватое, заспанное, но добродушное лицо. Брови – дужкой, словно подщипанные, ротик маленький, узкогубый. По обеим сторонам головы, похожей на дыньку, разбросана миллиметровая растительность, давно утерявшая свой пигмент. Хлопчатобумажная майка цвета разбавленных чернил невыгодно демонстрировала жидковатые бицепсы и полное отсутствие трицепса. Светлые шорты прикрывали колени, но беспощадно открывали худосочную волосатую голень. Сланцы мужчина носил резиновые, совсем никудышные. Ступнями, очевидно, не занимался. Выражение лица – несколько виноватое, словно он вам только что на ногу наступил.

Расплатившись, я поблагодарила его за галантность, которой воспользовалась, и улыбнулась человеческой улыбкой без второго плана. Тем самым я давала дядечке понять: хоть я и приняла его красивый жест без раздумий, но приняла, однако, не как женщина от мужчины, а как живое бесполое существо. На мне, правда, тоже белели шорты и зеленела маечка с открытыми плечами, но больше ничего общего между нами не было. Навскидку, конечно. А там, кто знает, что за поношенной майкой скрывается? Может, родственная душа? Хоть она и сардинская...

– Вы здесь в отпуске? – спросил мужчина, широко открыв глубоко посаженные глаза неопределенного цвета.

– Не совсем. Отдыхаю и работаю.

– Понятно, – сказал человек, ничего не поняв.

– Я книгу пишу. У моря. – Пояснила я.

– А про что книга? Про море?

– Про... Про любовь к морю, – ушла я от подробностей. – А Вы откуда?

– Из Милана. Но летом живу здесь. Я родился неподалеку.

– Значит, Сан Теодоро знаете хорошо? – с надеждой спросила я.

– Конечно, знаю. У меня здесь дом.

– А я ищу комнату или недорогие апартаменты на две недели. Не слышали – может быть, кто-то сдает?

– Давайте на улице договорим? – предложил мужчина, потому как подошла его очередь доставать деньги из кошелька. А это – момент ответственный.

– Окей, – согласилась я.

Поиски жилья на славящемся своей красотой острове, в курортном месте, в середине июня – дело гиблое, но не окончательно безнадежное. Надо просто энергично шевелить конечностями, языком и ушами. Таким немудреным советом снабдила меня соседка-сарда.

– Спрашивай у всех подряд. Здесь ведь большая деревня...

Мужчина вышел из магазина, став еще менее импозантным: за узкими плечами его обвисал старенький, выгоревший на солнце рюкзачишко. Купленных продуктов в руках у него не оказалось. Ага, сложил в рюкзак. Когда он подошел к своему велосипеду, пристегнутому за металлический столбик увесистым замком, я поняла, почему он ходит за покупками с рюкзаком – за руль-то надо чем-то держаться. А на стареньком велосипеде нет корзинки.

– Ну, давай знакомиться! Я – Винченцо. – Перешел дядя в наступление, протянув мне руку в крупных веснушках и мелких родинках.

От него пахло одиночеством. Смесь недорогого мыла и выпитого накануне вина...

Мы познакомились, поговорили о несложном, и Винченцо сразу пообещал навести справки об апартаментах по соседству со своим домом.

– Приходи сегодня вечером сюда, вот на этот угол. Кофе выпьем... Я одну даму знаю, она сдает жилье.

– Хорошо.

– Точно придешь? Обещаешь?

Его уже, по всей видимости, обманывали. Я этого делать не собиралась. Мне нужна была комната.

– Обещаю.

Винченцо протянул мне руку. Она была влажная и немножко трясущаяся. Наверное, он плохо переносил жару.

На пляже я выбрала уединенное место в уголке, у камней. Когда солнце перестало печь спину, я плавала там почти одна, чувствуя себя владелицей всего Средиземного моря.

Вдруг рядом всплыла птица с длинным клювом, серо-бежевого цвета, издавала похожая на утку. Плавать себе, не обращая на меня никакого внимания. Потом встала тоненькими лапками на камень и расправила крылья, оставив их висеть по сторонам, как на вешалке, словно давая просушиться. Вертела серой, гладкой головой и, казалось, позировала. К ней потянулись невесты откуда возникшие люди с фотоаппаратами. Она, как фотомоделка, терпела. Но когда кто-то громко захохотал, птица резко снялась с места. Наверное, подумала, что праздные любопытствующие потешались над ней...

Затем мое праздное внимание привлекла пара в воде, недалеко от берега: он стройный, подтянутый, а она – помпучка, «ромовая баба» – мало сказать. Молодые люди методично боролись с надувным матрацем, от которого женщина по параметрам почти не отличалась. Карабкаясь на матрац, она постоянно съезжала с него в воду и безудержно, весело хохотала. Мужчина серьезно и усердно ее подпихивал, подталкивал, но как только обессиленная собственным смехом женщина заваливала полтушки на матрац, как она тут же соскальзывала.

Поплавав вокруг неподдающегося объекта некоторое время, дама решительным рывком подмяла под себя его край и сделала отчаянную попытку сесть на матрац верхом, лицом к лицу с мужчиной, легко оседлавшим упрямого «коня» и протягивающим руку спутнице. Но и этот экзерсис завершился тем, что оба свалились в теплую, прозрачную воду. Они барахтались там очень долго и хохотали в голос. Я, знаете ли, тоже.

Вода сегодня в море ласковая и кристально чистая. Пахнет водорослями и сырým песком.

Заглядывая за горизонт, я купалась долго. Но не дольше веселой парочки с надувным розовым матрацем – они час кувыркались. Чем толще, тем дольше. Ой, ничего двусмысленного! Просто жировая прослойка лучше защищает от охлаждения.

Закат, каждый вечер по-новому воплощая свой необычайный перформанс, сопровождал мое возвращение домой. Солнце скрылось за треугольником сизой горы, продолжая освещать мой путь оранжевым светом.

Придя домой, я наскоро приняла душ, постирала купальник, перекусила и с допустимым для дамы опозданием пришла на тот угол, где мы договорились встретиться с Винченцо.

Он предусмотрительно стоял на противоположном углу – вдруг девушка не придет? Или он просто углы перепутал? Слава богу, пришел на «свидание» не в шортах. Но и эксклюзивом от него не пахло. Так, старичок – скромный и неброский.

Винченцо не сразу меня узнал и сильно обрадовался. Не столько мне, сколько тому, что его не надули. Ни о чем конкретно не договариваясь, мы двинулись в неизвестном направлении.

Мой новый знакомый поспешно выложил мне свежие разведанные: дама придет через неделю, и у нее можно будет спросить о свободной комнате.

– Через неделю? Так мне нужно завтра съезжать...

– Да? А я понял так, что сейчас ты в порядке...

И замаял разговор на эту тему. Ясно. Мой вопрос о комнате и свое обещание помочь он, ничтоже сумняшеся, использовал как предлог для назначенного свидания.

В принципе, я могла уходить в темноту нешироких улочек Сан Теодоро. Но как-то неловко было оставлять старика. Тем более, впечатление он производил безобидное. И действительно предложил выпить кофе, но не здесь, а в Пунтальдии – якобы, очень красивом месте на берегу залива. А возвращаться в пустой темный дом мне не хотелось. Там уже неделю не было света, а со свечой, хоть и романтично готовиться ко сну, но тоскливо.

Мы шли к его машине. Я ничего не боялась, однако мысль о том, что уже стемнело, а он, хоть и немолод, но остается мужчиной, все-таки в голове мелькнула. Ладно, справлюсь, если что. Вид у него не богатырский. Крикну громко – он и рассыплется.

Машинка у Винченцо – не больше него самого. Темно-синий «Фордик-Фиеста». Мы садимся в душный, за день пропеченный солнцем салон и рассуждаем, ехать ли в Пунтальдию. Дело в том, что я предусмотрительно поведала Винченцо о своей договоренности с моей знакомой Антонеллой – встретиться около одиннадцати вечера в центре городка. Винченцо не захотел стать причиной моего возможного опоздания, ведь до Пунтальдии ехать минут двадцать. А еще возвращаться. Плюс время на размешивание сахара в кофе, сами понимаете.

– Лучше не поедem. Понимаешь, я человек откровенный и порядочный, – подчеркивает мужчина, приложив руку к груди.

Пока не к моей. Может, и вправду порядочный? Конечно, хотелось бы увидеть новое место, но не ценой потери чести и достоинства.

Винченцо тем временем соизволил назвать меня «кара». Наверное, с его точки зрения, это какая-никакая, а предпосылка для сближения. Слово «кара» – «дорогая» он повторяет слишком часто для нечаянного и непродолжительного знакомства. В результате вялой дискуссии, мы решаем не пускаться в дальний путь, а посидеть у вечернего, уже темного моря, на пляже Кала Дамбра. Это близко, в черте поселка, и я не сопротивляюсь.

В баре Винченцо спрашивает:

– Что ты будешь пить?

– Я хотела бы ячменный кофе и стакан минеральной воды.

Себе кавалер заказывает обычный эспрессо. Мы цедим малое количество душистого, отлично приготовленного кофе, и Винченцо расспрашивает обо мне. Я раскрываю основные факты своей биографии.

Собеседник немало удивлен и плохо скрывает, что его огорошила разница в наших социальных положениях. На морщинистом лбу Винченцо тайной клинописью проступает наша явная несовместимость. Ему остается лишь похвалить меня за решительные поступки и за воспитание сына-лауреата литературной премии. Казалось бы, точки над «и» расставлены, да и от кофе уже остались бурые разводы на стенках чашки.

Но Винченцо вдруг резко встает, словно принимает решение:

– Пойдем, посидим там, где стоит моя машина? Там романтичнее. Я принес тебе абрикосы. Любишь абрикосы?

– Кто же не любит абрикосы? Они из твоего сада? – спросила я из вежливости.

– Нет, из сада моих друзей. Утром собраны. Я уже их помыл и даже вытер.

Ну, как тут откажешься – старался старикан.

– Еще я сладости принес...

Это уж слишком! А еще говорят, что итальянцы скупые.

– Сладости я не ем.

– Так это амаретти! – изумляется Винченцо.

Да, и перед амаретти не всякая устоит. Ведь это – одно из самых излюбленных и дорогостоящих сортов миндального печенья. В нем по-честному много тертого миндаля, которым плодородная Сардиния славится. В бледно-бежевые амаретти добавлены капельки ликера, сверху они присыпаны белоснежной сахарной пудрой, и вся композиция пахнет так одурманивающе-сладко, что отказаться от пробы под силу лишь йогу с большим стажем.

Положа руку на сердце, мне ничего не надо. Но и обижать человека не хочется.

Винченцо чуть ли не бегом бросается к машине и достает из багажника пакет с фруктами, коробочку со сладостями и какое-то умудренное, как и он сам, одеяльце, которое старательно раскладывает на низкой каменной стене. За ней шуршит и пахнет йодом ночное море. В темноте различимы лишь белые кубики рыбацких лодок.

– Садись, пожалуйста! – делает Винченцо роскошный жест рукой, словно усаживает меня в ложу Ла Скалы.

Я сажусь – но так, чтобы продемонстрировать свою независимость: лицом к морю, а ногами к парковке.

Усевшись поудобнее, порядочный Винченцо вздыхает и, глядя вдаль, как бы невзначай кладет мне руку на голое колено. Я не реагирую, но лицо мое каменеет. К тому же он всё время называет меня почему-то «Паола».

– Ты такая милая, Паола! – взывает он к моим романтическим настроениям. Но они не откликаются. Может быть, потому что зовут меня вовсе не Паола?

– Это рыбацьи лодки? А рыбаки ловят рыбу всю ночь? А им там есть, где спать? Они в лодках спят? Или бодрствуют до утра? – Отвлекаю я Винченцо вопросами от тщетных устремлений потискать меня – за то, что он принес мне абрикосы. Да еще не свои, а чужие, дружеские.

За свои, небось, уже бы не за колено, а за грудь прихватил.

Пора уходить. Для успокоения взбудораженного Винченцо я послушно съедаю два абрикоса – сочные, вкусные, пахнущие щедрым солнцем лета.

– Еще бери! – настаивает добрый Винченцо.

– Нет, спасибо, больше не хочется. Мне нужно идти. Антонелла ждет, извини.

– Возьми с собой абрикосы и сладости! – отчаянно протягивает свои нехитрые дары старик.

– За абрикосы спасибо, а сладости точно не возьму. Мне нельзя поправляться, я – актриса, – опять подчеркиваю я непреодолимую дистанцию между собой и Винченцо.

Он грустно улыбается маленьким ртом и аккуратно складывает коробочку в багажник. Не выбрасывать же в море. Итальянцы экономные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.